

УДК 32.01

*Сергей Васильевич Решетников¹,**Сергей Иванович Симановский², Михаил Сергеевич Мамекин³*¹*д-р полит. наук, проф., проф. каф. политологии Белорусского государственного университета*²*канд. филос. наук, доц., доц. каф. политологии Белорусского государственного университета*³*аспирант 1-го года обучения в форме соискательства каф. политологии, ст. преподаватель каф. политологии Белорусского государственного университета**Sergej Reshetnikov¹, Sergej Simanovskiy², Mikhail Mamekin³*¹*Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Department of Political Science of Belarusian State University*²*Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Political Science of Belarusian State University*³*1st Year Graduate Student of the Department of Political Science, Senior Lecturer of the Department of Political Science of Belarusian State University*
e-mail: ¹nina.v86mail.ru.; ²simans.ya.ru; ³mafakoff23@mail.ru

ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ НОРМАТИВИЗМ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Раскрыта история, структура, аргументы и внутренние сложности различных научно-теоретических подходов к нормативизму. Главной проблемой в процессе исследования нормативизма является селективное восприятие, т. е. выбор наиважнейших элементов либо переменных и отделение стихийного технического уровня, который имеет второстепенное значение либо совсем не имеет отношения к научному анализу. Исследование нормативизма должно привести к обобщению, объяснению и формулированию гипотез для дальнейших научных исследований.

Ключевые слова: норма, ценность, нормативизм, нормативная теория, логический позитивизм, интерпретационистская теория, критическая теория, деонтологическая теория, политологический нормативизм в Республике Беларусь.

Politology Normativism: Theoretical Aspects

The article gives a clear insight into the history, structure, arguments and internal complexities of various scientific and theoretical approaches to normativism. The main problem in the process of researching normativism is selective perception, i.e. the choice of the most important elements or variables and the separation of the spontaneous technical level, which is of secondary importance or not at all related to scientific analysis. The study of normativism should lead to a generalization, explanation and formulation of hypotheses for further scientific research.

Key words: norm, value, normativism, normative theory, logical positivism, interpretationist theory, critical theory, deontological theory, political science normativism in the Republic of Belarus.

Введение

Анализ нормативизма в политической науке – актуальная и важная тема, поскольку он направлен на изучение существующих в современной политологии подходов к постановке и решению проблем, имеющих первостепенное значение и для политической реальности, и для политической науки, изучающей эту реальность. В настоящее время в научном политологическом сообществе нет общего мнения о том, в каком ракурсе можно ставить и решать эти проблемы в рамках дисциплины, а также отсутствует консенсус в вопросе о том, что такое нормативизм и чем он отличается от других, ненормативных подходов. Поэтому целью статьи является анализ и определе-

ние сущности политического нормативизма, его спецификация в рамках политических исследований, что является актуальным и имеет принципиальное значение для политической науки в Республике Беларусь.

В отечественной научной литературе широко анализируются нормативы: социальные, юридические, экономические, социологические, экологические и др., однако в политической сфере подобный анализ отсутствует. Основу политического нормативизма в Республике Беларусь составляют Конституция Республики Беларусь, Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, доктринальные документы об основных направлениях внутренней и внешней политики Республики Беларусь,

решения Всебелорусских народных собраний, Указы и декреты Президента Республики Беларусь, послания Президента Республики Беларусь парламенту и белорусскому народу, публичные выступления Президента Республики Беларусь. Именно в этих документах сформулированы и зафиксированы основные политико-философские категории, такие как власть, демократия, государственное управление, гражданское общество, легитимность, национальная безопасность, национальный интерес, а также отражены ключевые черты политической системы Беларуси, традиции, нормы, основные ценности и идеалы белорусского общества, определены направления и векторы государственного и общественного развития [1–2].

Специальных исследований, посвященных концептуальному анализу нормативизма или изучению нормативизма, в истории политической мысли и белорусской политической науке не существует. В качестве исключения можно упомянуть некоторые работы белорусских авторов, в которых анализируются отдельные аспекты политического нормативизма [3]. Проблематика нормативизма разрабатывалась преимущественно в рамках философии, социологии, правовой науки, а также в последнее время появились исследования в рамках психологии, экономики, теории государственного управления, религиоведения, литературоведения. Давая оценку состоянию разработанности проблемы, политологически нормативными можно считать работы следующих белорусских ученых: докторов политических наук Н. А. Антанович, Р. О. Есина, Л. Е. Землякова, С. А. Кизимы, Ю. И. Малевич, Л. С. Мальцева, В. А. Мельника, С. В. Решетникова; доктора философских наук А. М. Байчорова; докторов исторических наук И. И. Калачевой, В. М. Мацеля, А. В. Русаковича, В. В. Фрольцова.

Следует отметить, что становление политического нормативизма не было обусловлено самоопределением какой-либо группы ученых или конкретных научных школ, исходивших в познании политической реальности из общих теоретических и методологических установок. Его укоренение происходило в условиях продолжительных дискуссий и полемики, в ходе которых позитивизм выступал оппонентом

иных исследовательских направлений, доказывая свою состоятельность. При этом в ходе становления изменялись как представления о самом нормативизме и его сущностном наполнении, так и направленность политологических дискуссий, а также фокус исследовательской проблематики ученых, которых сегодня относят к нормативистам.

Исходя из анализа политологической литературы XX в., О. Ю. Бойцова выделяет среди последовательно сменявшихся друг друга субъективных образов нормативизма следующие: классический нормативизм добихевиорального периода, объединяющий формально-нормативные и ценностно-нормативные концепции как философского, умозрительно-метафизического, так и позитивного характера, преимущественно реалистической (холистической) направленности; неонормативизм эпохи поведенческой революции, который был связан с валюативными холистическими подходами; постбихевиоральный нормативизм, разделенный исследователем на внутридисциплинарную версию, для которой характерно содержание рефлексивных, валюативных, валюативно-рефлексивных теорий номиналистической и реалистической направленности, а также постмодернистскую версию, в рамках которой нормативистскими считались все теории, ориентированные на поиск и утверждение истинного знания [4, с. 387–388].

Что касается определения термина «нормативизм», то, несмотря на его значимое место в понятийном аппарате политической науки, отсутствует четкое понимание содержания и единообразие в его использовании. Часто «нормативизм» трактуется как подход, ориентированный на анализ политических идеалов и выявление тех способов, которые позволяют обеспечить наилучшее, «идеальное» правление и достичь оптимальной организации общества [5, с. 61]. В белорусском политологическом словаре предложено определение, согласно которому «нормативизм» – это одно из течений в современной социологии, изучающее соответствие общественных явлений системам политических, этических и эстетических норм [6, с. 272].

Отечественными и российскими исследователями отмечается, что систематизацию наиболее распространенных трактовок нормативизма в политической науке

можно провести по нескольким основаниям. Так, О. Ю. Бойцова в качестве основания для такой систематизации предлагает признак – «минимум нормативности». В зависимости от этого центрального признака в структуре нормативизма она выделила эпистемологические подходы (уровень теоретического обобщения), аксиологические (отношения к ценностям), деонтологические (для них характерна директивная направленность и прескриптивность) [4, с. 392].

Подобной позиции придерживается О. Е. Побережная, которая предлагает выделять следующие смысловые трактовки нормативизма: эпистемологическую, аксиологическую и директивную [5, с. 61].

Также О. Ю. Бойцова предложила разделять трактовки нормативизма в зависимости от характера долженствования, выделив формальную и ценностную трактовки. Согласно первой, к нормативизму относятся концепции, исследующие комплексы норм и механизмы нормативной регуляции в политике и рассматривающие деонтологическую природу норм в функциональном и/или содержательном, а не аксиологическом аспекте. Вторая трактовка определяет нормативность как стремление придать долженствованию аксиологическую окраску, подчинить сферу политического внеполитическим нормам, за которыми признается статус высших ценностей, а также связать политические исследования с оценочными суждениями [4, с. 392].

Резюмируя, можно утверждать, что термин «нормативизм» занимает важное место в понятийном аппарате современной политической науки и активно используется при анализе самых различных исследовательских направлений в политологии, однако не имеет четкого, жестко фиксированного содержания и используется для обозначения различных интеллектуальных течений, поэтому важно проанализировать различные нормативные теории, каждая из которых имеет право на существование.

Логический позитивизм и смерть политической философии

Философское течение, известное как *логический позитивизм*, или *логический эмпиризм*, возникло в начале XX в. и дошло до сегодняшних философских дискурсов. Логические позитивисты сознательно стре-

мились к установлению основ нормативно-теоретизирования, признавая при этом приоритет методов естественных наук.

Особенно влиятельна была позиция шотландского ученого Дэвида Юма, известного своей системой философского эмпиризма, скептицизма и натурализма. Д. Юм утверждал, что все наши знания о мире возникают из конкретных эмпирических источников. Ученый также утверждал, что никакая констатация эмпирического факта не содержит в себе ценностных схем. Понимание смысла говорит нам только о том, каким мир является, но не говорит о том, каким он должен быть [7, с.72]. Работы Д. Юма предвосхищали реформистский подход логических позитивистов начала XX в. Опираясь на его предположения и выводы, перспектива логического позитивизма объединяла эмпирическое видение знания с акцентом на формальную логику.

Наиболее последовательной декларацией позиций логического позитивизма стала известная работа английского философа-неопозитивиста, представителя аналитической философии А. Д. Айера, «Язык, истина и логика», изданная впервые в 1936 г. [8]. Важным итогом его рассуждений является отрицание традиционных философских взглядов на сущность и существование, которые известны со времен Платона. Эта позиция представляет собой метафизические утверждения, которые в значительной степени опираются на мифы. Позитивисты противопоставляют этому образу форму знаний, опирающуюся на вымыслы. Они подчеркивают также различия между фактами и ценностями. Постигание смыслов само по себе не усложняет ценностных суждений. В конечном счете эти смыслы следует признать только с помощью выражения чувств, и тем самым их невозможно подтвердить с помощью рациональной аргументации. Не существует объективных стандартов, которые позволили бы их оценить. Сторонники позитивизма считают, что люди, участвующие в моральной дискуссии, приходят, по сути, к спору на тему фактов. Там, где дело доходит до аутентичных столкновений ценностей, дальнейшая дискуссия становится невозможной.

Очевидно, что позиции позитивистов создают сложные ограничения, которые можно отнести к категориям знаний. В ко-

нечном счете наши знания укрепляются исключительно утверждениями одного типа – утверждениями, касающимися фактов и познания смыслов, которые могут быть подвергнуты эмпирическим тестам и подтверждены актуально. Иным типом подобных утверждений являются те, которые касаются логических понятий и отношений между ними. Эти утверждения не доставляют нам знаний о мире, однако могут сообщить нам что-то важное на тему структуры употребляемых нами понятий. Мы можем точно анализировать значение понятий, чтобы утверждать, насколько и каким способом их можно употреблять во взаимосвязи с иными понятиями.

В результате роль философии подвергалась значительному сужению. Философам остался другой кластер – исследования логических понятий и отношений между ними. Задачей философа является прежде всего языковая и аналитическая классификация, этимология ошибок и интеллектуальных недоразумений, которые ранее не способствовали ясному пониманию мира.

Логический позитивизм оказал значительное влияние на философию в целом, а в особенности на политическую философию. Классическим примером политической философии, созданным в духе логического позитивизма, является политический словарь британского философа Т. Д. Велдона [9]. Его работа преимущественно имела цель обоснования утверждения, что «когда мы исключаем вербальные недоразумения, оказывается, что вопросы традиционной политической философии являются зачитанными формулировками эмпирических трудностей» [9, с. 192]. Велдон утверждает, что метафизические склонности политических философов подтвердили, что они совершают систематическую ошибку, основываясь на том, что политические понятия, такие как «государство» и «свобода», «власть», имеют существенное значение, выходящее за рамки наших эмпирических познаний, и, собственно, открытие этого значения и является целью философии.

Если посмотреть на политические понятия исходя из позитивистской точки зрения, то они подвергаются «демистификации». Например, часто упоминается, что власть содержит какую-то таинственную моральную сущность, которую необходимо

выяснять через отсылку к какой-либо обобщенной идее, например, божественного права либо социального договора. Метод Велдона элиминирует содержание политической философии. Как и Айер, он считает суждения оценки необъективными и не поддающимися рациональному анализу либо аргументации. Можно формулировать и рационально оценивать рекомендации, касающиеся, например, политических институций, однако в конечном счете это только эмпирические утверждения на тему эффективности институций, если речь идет о реализации целей, которые ученый уважает как ценностные. Философы могут играть определенную роль при оценке логичности таких утверждений.

В результате роль политического философа осталась в значительной мере ограниченной: он может классифицировать политические термины в свете эмпирических данных и выявлять языковые недоразумения, вытекающие из метафизических оснований. Этот пересмотренный образ политической философии получил дальнейшее развитие. Когда позитивизм приступил к штурму традиционной политической философии, анализ самой политики развивался способом, который все больше приближал ее к исследованиям, характерным для естественных наук. Дисциплины, воспринимаемые в растущей мере как «науки о политике», стали сосредоточиваться на бихевиоральных анализах политических явлений. В таких условиях политическая философия могла быть в лучшем случае «подручной» науки о политике – упражнением в сфере прояснения понятий, целью которого было очищение грунта для представителей науки о политике. В свете этого факта можно судить, что не было ничего сверхъестественного в философии политики, которая под каким-то видом напоминала бы свою традиционную форму, она как бы являлась мертвой, а роль нормативного теоретизирования в исследованиях политики осталась бы проблематичной. В действительности эти некрологи были преждевременными, и появилось много альтернативных подходов, которые отвергли позитивистскую ревизию и признали наибольшую роль нормативных ожиданий в сфере политики.

Интерпретационистская теория

Важнейшим трудом в рамках логического позитивизма является исследование австрийско-британского философа Людвиг Витгенштейна «Логико-философский трактат». Его утверждение о том, что значение опирается на связи между языком и непосредственным эмпирическим осведомлением, выразительно гармонизировало с интересами логических позитивистов [10]. Однако в своих более поздних трудах он занял иную позицию, которая оказала влияние на развитие альтернативы по отношению к позитивистскому подходу в социальных науках, определив вызовы для логического позитивизма.

С точки зрения логических позитивистов, язык значим потому, что его основные элементы связаны с элементами первичного мира познания. В то же время для Витгенштейна язык, в сущности, «делает» мир познаваемым и может это делать самыми разнообразными способами. Так, даже принцип логического позитивизма о существовании первичного кластера эмпирических познаний, которые создают основы всех правдивых знаний, является ошибочным.

Подобно этому аналогия «языковой игры» подтверждает, что попытки искоренения языковых построений, которые не вполне соответствуют позитивистским моделям, ошибочны. «Языковые игры» религии и науки невозможно привести к общему знаменателю, и нет вероятного критерия, который был бы единым для всех сфер и определяющим, какой критерий есть более ценный, чем другой.

Некоторые из приведенных аргументов были рассмотрены и употреблены в отношении к методам социальных наук британским философом Петером Винчем [11]. Он исходил из критики той концепции, в рамках которой философия называлась «служанкой». Эта концепция была поддержана позитивистами, например, Велдоном. По его мнению, философия опирается на неоспоримое различие между вопросами на тему действительности, признаваемой наукой, и вопросами на тему языка, понимаемую как предмет заинтересованности философии.

Следуя за Витгенштейном, Винч утверждал, что язык является не только способом категоризации какой-то независимой

действительности; такой образ языка подтверждал бы, что он есть в целом вторичным по отношению к умозрению. Однако неизвестно, как мы могли бы в целом осуществлять опыт без освоения понятийных рамок существующих в языке. Исследование того, каким образом язык «конституирует» для нас действительность, являются доменом философии. Можно познавать мир многими способами: через науку, искусство, религию и т. д., а задачей философии, по его мнению, является анализ человеческого опыта.

По мнению Винча, значительные социальные течения опираются на разделяемые в обществе способы понимания, убеждения и понятия. Они выражаются в общих конститутивных правилах, и мы можем их найти в наших совместных практиках и институциональных установлениях. Социальные действия можно затем понимать путем исследования понятийных структур, которые укоренены в культурных и институциональных сферах, конституализируют поведение и дают людям поводы к действиям. Что существенно, эти структуры включают в себя *нормативные* элементы.

В противовес позитивистам Винч приспособливает социальные науки к философии. Он утверждает, что они являются по своей сути философскими отраслями. Тем самым позитивистское видение социальных наук необходимо признать ошибочным, ведь представление о том, что социальную действительность можно понять благодаря чисто эмпирическому анализу поведения, который может составить основу для гипотез о причинных связях и предпочтительных моделях, обходит тот факт, что человеческое поведение и социальные отношения предваряются убеждениями и идеями, которые выражаются в языке, а также в правилах, определяющих социальную жизнь.

Модель исследований в социальных науках, которую представляет П. Винч, имеет целью интерпретацию, а не причинное выяснение. Если, например, мы хотим выяснить, почему данная личность голосовала таким, а не иным способом, использование статистических данных не может дать ответ на этот вопрос. Мы должны узнать причины определенного решения избирателя, а это, в свою очередь, доказывает, что появится вопрос о системе его

убеждений. Эта система объемлет общие убеждения на тему институции выборов, их смысла и веса в социальной жизни, разделяемого в демократическом обществе и закрепленного в конститутивных правилах, определяющих практику голосования. Анализ этих явлений, по мнению П. Винча, есть ключ к пониманию социальной жизни [11]. И это упоминаемое явление маргинализирует позитивистские социальные науки, представители которых предпочитают эмпирические генерализации и причинные модели, не будучи в состоянии признать, что способность предвидения есть то же самое, что понимание.

Интерпретационистский подход склоняет нас к тому, чтобы уважительно трактовать нормативную силу, связанную с политическими понятиями. В трактовке Винча интерпретационизм подводит нас к пониманию *нормативного порядка* и уважению роли, которую он играет в конструкциях социальной жизни. С точки зрения интерпретационистов, необходимо трактовать моральный смысл этого понятия, отражающего общие убеждения на тему моральной правоспособности. Указанные убеждения часто связаны с идеями социального договора либо естественного права, которые позитивисты старались исключить из теоретического словаря.

Однако интерпретационистский подход не возвращает доверия *нормативным* ожиданиям, по крайней мере не в их ранней форме. Так происходит, поскольку в определенной мере он принимает один из элементов позитивистской критики метафизики. Хотя интерпретационистский подход признает эти «языковые игры», которые объединяются с теологическими утверждениями, либо иного рода метафизическими утверждениями. Этот способ познания мира так же правомочен, как и интерпретационистское предсказание, в соответствии с которым мир становится понимаемым, имеет место благодаря совместным конвенциональным убеждениям. В конечном счете метафизические тезисы выходят за рамки внешних аспектов действительности. Так, формулирование этого рода *нормативных* утверждений не является задачей философского анализа, который направлен на выяснение разных мировоззрений, признанных в данном обществе. Оказывается, что «кон-

венционалистский» подход не оставляет интерпретационистской теории никакого альтернативного пункта видения, который бы способствовал формулированию критических подтверждений, сравнимых с доминирующей конвенцией.

Некоторые критики интерпретационизма Винча считают, что его подход привел в социальной теории к чрезмерному «релятивизму». Одной из главных тем дискуссии была проблема понимания культурных практик иных сообществ, и наиболее выразительной стала интерпретационистская перспектива. Конвенция конституирует социальную действительность, нацеливает на познание значения социального действия. Более того, если все значения в соответствии с *нормативизмом* являются внутренним аспектом данной культуры, то трудно создать объективные либо внешние стандарты, которые бы позволили узнать, что определенные аспекты данной культуры неприемлемы.

Далее мы должны присмотреться к социальным обусловленностям, в которых определенные виды побуждений и правил, в сущности, детерминируют действия. Возрастает значение принципов и норм, которые могут действовать независимо от осознания их акторами. Подобный тип анализа позволяет социальным теоретикам говорить о таких факторах, как идеология, либо фальшивое сознание, в которых можно узнать определенные аспекты социальной структуры как конкретизирующие либо ограничивающие ситуации, в которых этого нет. Эти аспекты анализа предстают как ключевые. Политическая философия может оказаться способной к формулированию убедительных критических утверждений. Теоретическое понимание этой возможности было центральным мотивом иного проекта, более значительного и конкурентного по отношению к позитивизму, – критической теории.

Критическая теория и диалектика

Термин «критическая теория» ассоциируется с течением, зародившимся в Германии в начале XX в. и тесно связанным с деятельностью Института социальных исследований, созданного в 1923 г. во Франкфурте. Теоретики Института были марксистами, и их исследования в значительной

мере были построены на идеях К. Маркса. Прогнозы этого мыслителя относительно близкого свержения капитализма посредством пролетарской революции не оправдались, что поставило под вопрос весь его метод. Ядром подхода К. Маркса была теория диалектических исторических перемен, в рамках которой заявлялось, что социальные преобразования не происходят в результате воздействия какого-то внешнего предмета на социальную структуру (поскольку нет такого внешнего предмета). Противоречия выражаются в образе классовых антагонизмов. Согласно Марксу, в любой эпохе существует доминирующий способ понимания мира, который представляет собой объективный ответ на социально-экономическую действительность. Однако, когда в этой действительности появляются противоречия, выделяются конкурентные мировоззрения, а, так как упоминаемые противоречия выражаются в классовых антагонизмах, конкурентные мировоззрения отвечают пункту видения и интересам борющихся между собой классов. Доминирующее мировоззрение не всегда соответствует действительности, маргинализируя определенные аспекты меняющегося мира и идеологический порядок, который служит интересам правящего класса. Новое мировоззрение предусматривает динамические аспекты социальной действительности и одобряет чьи-то интересы.

На методологическом уровне основная предпосылка этого анализа, которая придавала ей правдивый *диалектический* характер, была следующей: радикальную критику капитализма можно предпринять не на основе спекулятивных метафизических принципов, исходящих из концепции человеческой природы либо абстрактных теорий добра, а на основе анализа структурной динамики. Но поскольку пролетариат не достиг прогнозируемого радикального перелома, то диалектический метод и связанные с ним исторические основы знаний можно определенно поставить под вопрос.

Представители критической теории стремились исследовать обстоятельства, при которых ослабел радикализм. Аналитиками теории К. Маркса были представители франкфуртской критической школы немецкие философы М. Хоркхеймер и Т. Адорно. Они связывали современные идеологии с

позитивизмом [12]. Эти ученые утверждали, что позитивизм – это не только философское течение, но и мировоззрение, которое стало доминирующей идеологией. Обещая людям освобождение, как интеллектуальное, так и материальное, благодаря употреблению рациональности, научной либо технической, в своей основе позитивизм утверждает видимость, которая очевидно избавляет людей от контроля над собственной жизнью. С научной точки зрения мир является сложным из безличных причинных механизмов.

Предпринято много попыток разрешения этой проблемы, которые можно найти в работах Ю. Хабермаса, одного из наиболее влиятельных политических и социальных мыслителей второй половины XX в., создателя концепций коммуникативного действия и этики дискурса [13]. Хотя он и соглашается с М. Хоркхеймером и Т. Адорно в том, что касается вопросов, связанных с фаворитизмом технической рациональности посредством позитивистской идеологии, он не согласен с тем, что эта идеология есть (либо может быть) доминирующей. Можно фактически понимать мир через совместные нормы либо конвенции в виде тех, которые разделяют сторонники интерпретационной теории, однако существует иная перспектива, которая выходит за конкретные *нормы и конвенции*.

Хабермас делает ставку на форму рациональности, которая не имеет технического характера и которая снижает способность к рациональной дискуссии по данным вопросам. Так, эта форма рациональности является сутью нашего человечества, она обязывает нас к жизни определенным способом, если мы хотим остаться верными человечеству. Упоминаемая форма рациональности проявляется в межчеловеческой коммуникации.

Ю. Хабермас утверждает, что, когда мы используем язык, то вовлекаемся в русло определенных смысловых критериев. К этим критериям относятся правда, искренность, моральное приличие и разумение. Они являются встроенными в саму сущность языка; без них любая польза от языка утратила бы смысл [14].

Ю. Хабермас определил «идеальную коммуникационную ситуацию», в которой коммуникация является свободой от дефор-

мации в том смысле, что она свободна от любых обманов, тенденциозности и не доводит до арбитражной замкнутости; дискуссия имеет аутентичный рациональный характер, а руководит ею исключительно сила научных аргументов. Это также ситуация, в которой все участники имеют равные шансы получения голоса, выдвижения какого-то аргумента либо выражения своей точки зрения. Проводником такой коммуникации является рациональный консенсус. Для ученого этот идеал не является арбитражным. Идеал составляет источник того, что Ю. Хабермас называет «эмансипативное знание», которое способствует социальной критике [14].

Существенным, по мнению Ю. Хабермаса, является то, что часть коммуникационных актов подвержена методичным деформациям. В этом пункте он переносит модель конкретной дискуссии на обобщающий уровень. На этом уровне мы можем достигнуть методических деформаций: там, где дискуссия имеет, например, репрессивный характер, отказывая в признании определенных форм опыта и самосознания. Это видение методичных деформаций позволяет нам понимать идеологическую тенденциозность, которую можно связать с доминирующим укладом сил и структуральными результатами доминирующих социально-экономических интересов. Аспекты доминирующего сегодня течения современных дискуссий связаны с *нормативной* теорией и вытекают из проблем, связанных с деонтологическими подходами.

Деонтологическая теория и плюрализм ценностей

Ранний и пророческий ответ на позитивистское объявление смерти политической философии принесло опубликованное в 1969 г. эссе русско-английского философа Исая Берлина [15]. Берлин, возражая против созданной логическими позитивистами редукции значительных исследований, показал, что эмпирично либо чисто логично. Существует много вопросов, на которые нет способов ответить, например, вопрос «что есть справедливость?». Редукционистский подход связан с оценочными суждениями и является типовым для моральной и политической философии.

Утверждение, что эти вопросы оказались лишены смысла, есть, по мнению И. Берлина, утверждение, что люди все еще задают вопрос, что есть то, что остается для кого-то непонятным. В случае вопросов о *нормативном* характере фактов никогда не доходит до устойчивого понимания трактовки, как найти ответ, ссылаясь на объективный фактор. Мы живем в мире, в котором доминирует плюрализм ценностей, существуют нередуцированные различия между конфигурациями ценностей, с которыми люди отождествляют себя.

Аргументация И. Берлина нерелятивна в том смысле, что личность могла бы выбрать какой-либо набор целей либо принципов и ожиданий из ее системы ценностей. Сообщества, в сущности, принимают определенные комплекты целей либо принципов за ценные аутентичности, даже если они изменяются в зависимости от времени и места. По мнению И. Берлина, эти аутентично ценные цели и принципы являются, однако, часто противоречивыми. В результате ни одна система ценностей не охватывает всего, что ценно, и каждая такая система отдает приоритет определенным ценностям. В результате люди всегда будут открывать конкурентные системы ценностей, даже в рамках этого самого сообщества, и в этом самом смысле позволяющего разрешить, какие из этих систем им более необходимы. Системы ценностей являются ключевыми составными частями модели глубоко укорененных убеждений. Постоянной задачей философии является выяснение и оценка разных моделей, а поскольку никогда не исчезнет плюрализм ценностей, то никогда не исчезнет и философия.

Можно было подумать, что признание существования плюрализма ценностей и тем самым несовместимости различных мнений в отношении моральных проблем составляет особую проблему для политической философии. Традиционной задачей политической философии была теоретическая разработка форм морального и политического консенсуса, который мог бы гарантировать существование справедливого и стабильного политического устройства, а к реализации этой цели стремились бы сторонники интерпретационистских форм либо представители новых перспективных форм, которые рассматривались в

данной статье. Могло бы показаться, что акцентация плюрализма подтверждает эту цель. Признание плюрализма ценностей в общем плане есть добро само по себе. С этой точки зрения важной является позиция американского политического философа Д. Роулза, пытавшегося создать теоретическую концепцию справедливости [16]. Джон Роулз провозглашает принципы, которые были бы выбраны в такой ситуации, и они имеют выразительную **нормативную** импликацию. Работы Д. Роулза оказали значительное влияние на современную политическую теорию и приблизились в решающей степени к возрождению **нормативной** мысли. Такие теоретики, как Д. Роулз, не замечают элементов этической солидарности, т. к. они ищут не в том месте, где нужно. Они все еще стремятся эксплицировать свои деонтологические принципы на основные знания.

Заклучение

Разнородные ответы на вызовы логического позитивизма свидетельствуют о том, что **нормативная** теория сохраняет устойчивые позиции. В настоящее время доминирует дискуссия, связанная с деонтологическим плюрализмом и плюрализмом ценностей, хотя следует отметить, что проблемы, которые мы рассматривали касательно интерпретационной и критической теории, все еще имеют значение. Давление на укорененные в языке нормы и конститутивная сущность понятийных норм остаются чувствительными в понимании дистрибутивной обусловленности, в которой формируются нормы политики. Нарушение технических форм рациональности и знаменательный для критической теории поиск стандартов рациональности, которые выйдут за рамки чисто индустриальной, нахо-

дит, в свою очередь, отзвук в современной деонтологической теории и всеобщем признании неинструментальных ценностей политических **норм**.

Нормативная теория сохранила как свою интеллектуальную силу, так и социальное значение. Одновременно дискуссии, которые здесь рассматривались, подтверждают, что значительное влияние имеет один из аспектов учения логического позитивизма. Проявляется это в сильном влиянии антинатурализма на новейшую политическую философию. Даже те ученые, которые остаются сторонниками натуралистического подхода, выражаются, как правило, более сдержанно, избегая жестких моральных представлений и признавая плюрализм ценностей. Это свидетельствует о большей способности ученых к рефлексии либо самосознанию относительно того, что можно утверждать в рамках политической философии. Данные изменения отражают все больший интерес к вопросу, как далеко могут зайти **нормативные** утверждения. Это позволяет нам сделать вывод, что теории, которые мы рассмотрели, будут эволюционировать. Все это подтверждает мнения видных ученых-позитивистов о том, что **нормативная** теория является неотъемлемым аспектом в научном объяснении мира.

Таким образом, **нормативизм** – один из основных теоретико-методологических подходов в современной политической науке, состоящий из ряда исследовательских направлений, изучающих сущность политических процессов и явлений с позиций должного, ориентированных как на построение теорий «идеального» (наилучшего) развития общества, так и на выявление роли аксиологических оснований в политическом процессе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принята 15 марта 1994 г. : с изм. и доп. от 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. // ЭТАЛОН-ONLINE / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
2. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь : утв. Указом Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 24.01.2014 г. // ЭТАЛОН-ONLINE / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
3. Решетников, С. В. О концепте политологического треугольника / С. В. Решетников, Г. М. Бровка, М. А. Ермолицкий // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. 1, Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2020. – № 1. – С. 86–93.

4. Бойцова, О. Ю. Нормативизм в западной политической науке XX в. : дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.01 / О. Ю. Бойцова. – М., 2004. – 440 л.
5. Побережная, О. Е. Технология политических исследований: теоретико-методологический аспект / О. Е. Побережная // Проблемы упр. – 2006. – № 1. – С. 61–70.
6. Шынкароў, В. В. Беларускі палітычны слоўнік / В. В. Шынкароў, С. П. Раманова. – Мінск : Адукацыя і выхаванне, 2011. – 576 с.
7. Юм, Д. Трактат о человеческой природе, или Попытка применить основанный на опыте метод рассуждения к моральным предметам / Д. Юм // Сочинения : в 2 т. ; пер. с англ. С. И. Церетели [и др.] ; вступ. ст. А. Ф. Грязнова ; примеч. И. С. Нарского. – 2-е изд., доп. и испр. – М. : Мысль, 1996. – Т. I. – 733 с.
8. Альфред, Дж. Айер. Язык, истина и логика / Дж. Айер Альфред ; пер. с англ. В. А. Суворцева. – М. : Канон+, 2010. – 240 с.
9. Weldon T. D. The Vocabulary of Politics / T. D. Weldon. – London, 1953. – 199 p.
10. Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат / Л. Витгенштейн ; общ. ред. и предисл. В. Ф. Асмуса. – М. : Наука, 1958 (2009). – 133 с.
11. Winch, P. The Idea of a Social Science and Its Relation to Philosophy / P. Winch. – Routledge, 2007. – 168 p.
12. Хоркхаймер М. Диалектика просвещения. Философские фрагменты / М. Хоркхаймер, Т. Адорно ; пер. с нем. М. Кузнецова. – СПб. : Медиум : Ювента, 1997. – 312 с.
13. Хабермас, Ю. Политические работы / Ю. Хабермас. – М. : Практикс, 2005. – 368 с.
14. Хабермас, Ю. Проблематика понимания смысла в социальных науках / Ю. Хабермас // Социол. обозрение. – 2008. – Т. 7, № 3. – С. 3–33.
15. Берлин, И. Четыре эссе о свободе / И. Берлин ; пер. с англ. Сима Векслер. – London : Overseas Publications Interchange Ltd, 1992. – 395 с.
16. Роулз, Дж. Теория справедливости / Дж. Роулз. – Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. – 535 с.

REFERENCES

1. Konstitucija Rjespubliki Bielarus' [Elektronnyj riesurs] : priniata 15 marta 1994 g. : s izm. i dop. ot 24 nojab. 1996 g., 17 okt. 2004 g. i 27 fievr. 2022 g. // ETALON-ONLINE / Nac. ciontr pravovoj inform. Rjesp. Bielarus'. – Minsk, 2023.
2. Konciepcija nacional'noj biezopasnosti Rjespubliki Bielarus': utv. Ukazom Priezidenta Rjesp. Bielarus', 9 nojab. 2010 g., № 575 : v ried. Ukaza Priezidenta Rjesp. Bielarus' ot 24.01.2014 g. // ETALON-ONLINE / Nac. ciontr pravovoj inform. Rjesp. Bielarus'. – Minsk, 2023.
3. Rjeshetnikov, S. V. O koncieptie politologichieskogo trieugol'nika / S. V. Rjeshetnikov, G. M. Brovka, M. A. Yermolickij // Viesn. Bresc. un-ta. Sier. I, Filasofija. Palitalohija. Sacyjalohija. – 2020. – № 1. – S. 86–93.
4. Bojcova, O. Yu. Normativizm v zapadnoj politichieskoj naukie XX v. : dis. ... d-ra polit. nauk : 23.00.01 / O. Yu. Bojcova. – M., 2004. – 440 l.
5. Pobieriezhnaja, O. Ye. Tiekhnologija politichieskikh issliedovaniij: teoretiko-mietodologichieskij aspjeht / O. Ye. Pobieriezhnaja // Problemy upr. – 2006. – № 1. – S. 61–70.
6. Shynkarou, V. V. Bielaruski palitychny slounik / V. V. Shynkarou, S. P. Ramanava. – Minsk : Adukacyja i vykhavannie, 2011. – 576 s.
7. Yum, D. Traktat o chieloviechieskoj priroddie, ili Popytka primienit' osnovannyj na opytie mietod rassuzhdienija k moral'nym priedmietam / D. Yum // Sochinienija : v 2 t. ; pier. s angl. S. I. Cereteli [i dr.] ; vstupa. st. A. F. Griaznova ; primiech. I. S. Narskogo. – 2-je izd., dopoln. i ispr. – M. : Mysl', 1996. – T. I. – 733 s.
8. Al'fried, Dzh. Ajier. Jazyk, istina i logika / Dzh. Ajier Al'fried ; pier. s angl. V. A. Surovceva. – M. : Kanon+, 2010. – 240 s.
9. Weldon T. D. The Vocabulary of Politics / T. D. Weldon. – London, 1953. – 199 p.
10. Vitgienshtejn, L. Logiko-filasofskij traktat / L. Vitgienshtejn ; obshch. ried. i priedisl. V. F. Asmusa. – M. : Nauka, 1958 (2009). – 133 s.

-
11. Winch, P. The Idea of a Social Science and Its Relation to Philosophy / P. Winch. – Routledge, 2007. – 168 p.
  12. Khorckhajmer, M. Dialiektika prosvieshchienija. Filosofskije fragmenty / M. Khorckhajmer, T. Adorno ; pier. s niem. M. Kuzniecova. – SPb. : Miedium : Juventa, 1997. – 312 s.
  13. Khabermas, Yu. Politichieskije raboty / Yu. Khabermas. – M. : Praxis, 2005. – 368 s.
  14. Khabermas, Yu. Problematika ponimanija smysla v social'nykh naukakh / Yu. Khabiermas // Sociol. obozrienije. – 2008. – T. 7, № 3. – S. 3–33.
  15. Bierlin, I. Chietyrie esse o svobodie / I. Bierlin ; pier. s angl. Sima Viekslier. – London : Overseas Publications Interchange Ltd, 1992. – 395 s.
  16. Roulz, Dzh. Tieorija spraviedlivosti / Dzh. Roulz. – Novosibirsk : Izd-vo Novosib. un-ta, 1995. – 535 s.

Рукапіс настуніў у рэдакцыю 13.03.2023